

Мария де Турне:

Танцы у фонтана.
Худ. Никола Ланкре.
1724 г.
Музей Гетти,
Лос-Анджелес,
США.

названная дочь Монтеня и ее время

Часть II

Татьяна Соловьева

Elonc la maniere
que iay en vsage
et a quoy en la
frequentacion
de luy de lettres vy jour come
te feusse seant en ma cello a
uironnee de plusieurs volumes
de diuerses matieres mon entē
dement a celle heure aucques
travaillee de penueillier la
pensantier des sentences de
diuers auteurs par moy lon
gne pietre estudees drectoy
mon visage en sus du luy
deliberant pour celle foys
laspier en ray chose subtile
z meslure z regardes auen
ne ioncuse des des des portos

et comme adont en celle entente
te tressasse entouz moy d'aucun
petit luyet entremais me vint
de auenture vng luyre estrange
mon me de mes volumes que
aucun autres luyres maion
este baillie si comme en garde
adont ouuert cellui se vy en
imitation quil se clamoit
matheolus lors en soustant po
re que onques ne l'auoye vers
et maintesfoys oy dire auoy
que entre les autres luyres
cellui parloit a la veuerence
des femmes me apensay que
en maniere de soulas le
vysitoye auis regard me
loz point longue efrasse quā

PLAYS,

Never before Printed.

WRITTEN
By the Thrice Noble, Illustrious, and Excellent
PRINCESSE
THE
Duchess of Newcastle.

L O N D O N,
Printed by A. Maxwell, in the Year M. DC. LX. VIII.

Фронтиспис
и титульный лист пьес
Маргарет Кавендиш.
Лондонское издание
1668 г.

В отличие от старой
девы Марии де Гурне,
Маргарет Кавендиш,
одна из первых
англичанок, чьи
сочинения стали
публиковать в печати,
носила титул
герцогини, была
красива, богата
и счастлива в браке.
Но, как и названная
дочь Монтеня, за
независимые суждения
о месте женщины
в условиях
патриархального
общества, герцогиня
была «награждена»
в аристократической
среде нелестным
прозвищем «Безумная
Мэг».

Слова «феминизм», сконструированного социалистом-утопистом Шарлем Фурье в конце XVIII века, еще и в помине не было, когда в Европе начали раздаваться голоса прогрессивных людей в защиту женского равноправия. Первым камушком, брошенным в омут спора о равенстве полов, стала *Livre de la Cité des Dames* – «Книга о граде женском», вышедшая в 1405 году из-под пера средневековой французской писательницы Кристины де Пизан, зарабатывавшей на жизнь, как и Мария де Гурне, профессиональным литературным трудом.

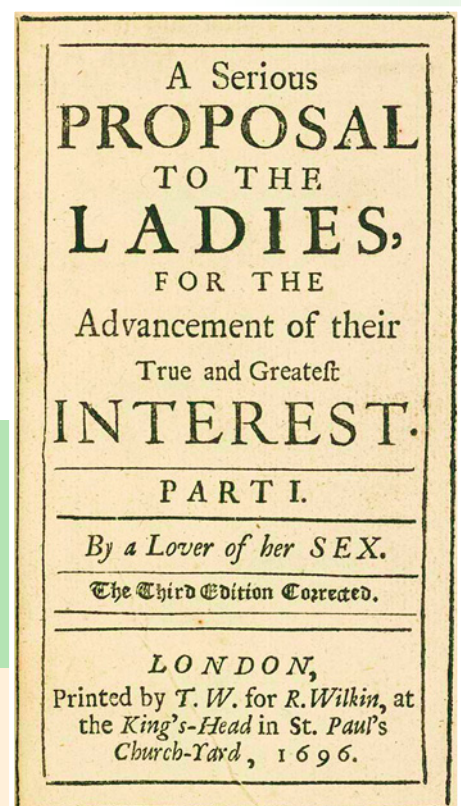
В последующие два столетия проженские идеи развивались уже по всей Европе. В Англии в XVII веке протест против женоненавистничества заявили писательницы Афра Бен, Мэри Астелл и Батсуа Мэйкин. Во Франции даже Монтень, который к слабому полу всегда относился с легкой долей иронии, высказался довольно ясно: «Женщины нисколько не виноваты в том, что порою отказываются подчиняться правилам поведения, установленным для них обществом, – ведь эти правила сочинили мужчины, и притом безо всякого участия женщин».

Тему, что называется, витавшую в воздухе, подхватила и Мария де Гурне. В 1622 году она издает за свой счет книгу *Égalité des hommes et des femmes*.

← Страница из книги Кристины Пизанской *Livre de la Cité des Dames* – «О граде женском». XV в.
Национальная библиотека, Париж, Франция.

От Кристины Пизанской, подчеркивавшей, что женщина ни в чем не уступает мужчине по своим способностям, берет начало так называемый «спор о женщинах» во Франции XVI в.

Титульная страница книги английской писательницы-феминистки Мэри Астелл «*A Serious Proposal to the Ladies, for the Advancement of their True and Greatest Interest*».
Лондонское издание 1696 г.

Портрет Афры Бен.
Худ. Питер Лели. Около 1670 г.
Йельский центр британского искусства,
Нью-Хейвен, Коннектикут, США.

Непростая судьба английской писательницы Афры Бен во многом схожа с судьбой Мари де Гурне, с которой они были ровесницами. У обеих детство прошло в деревне, обе зарабатывали на жизнь сочинительством, жили в бедности, и еле сводили концы с концами; обе добились для женщин права выражать свои мысли; обеими восхищались современники и обеих они же пытались замазать грязью.

Портрет Анны Марии ван Шурман. ➔
Худ. Ян Ливенский. 1649 г.
Лондонская Национальная галерея,
Лондон, Великобритания.

С нидерландской поэтессой, гравёром, разносторонним учёным Марию де Гурне связывала многолетняя дружба и постоянная переписка.

претензии мужчин и женщин друг к другу, были чем-то, вроде перебранки — историки весьма точно обозначили время раннего феминизма термином «querelle» — спор. Женская литература той эпохи в большинстве своем действительно была лишь ответом на нападки женоненавистников. Во Франции, в частности, в этом явно отличились Рабле, Болье, Мольер, крепко досаждавшие слабому полу.

Метод взаимного покусывания, однако, был малоэффективен. Нужны были свежие мысли, подобные тем, которые излагала воспитанница Монтеня, нужно было ее яркое искрометное перо, чтобы тема заискрилась новыми гранями. И это удалось. Книга «Равенство мужчин и женщин», получившаяся злой и умной, быстро распространилась по всей Европе, стала популярна и щедро цитировалась многими современными писателями, как поддерживавшими идеи о равноправии женщин, так и наоборот. Проследив историю женоненавистничества

mes — «Равенство мужчин и женщин», направленную против представлений о прирожденном несовершенстве пола, прочно укорененных в сознании общества XVII века. Главные положения Egalité des hommes et des femmes де Гурне повторит также в эссе Grief des dames — «Женское горе», написанном четырьмя

годами позже, в котором будет яростно критиковать лицемерие общества по отношению к женщинам, идею женской подчиненности «от природы» и превосходство одного пола над другим.

Высказывая идеи о женском равноправии, де Гурне далеко опередила свое время. До нее взаимные

В последующие два столетия проженские идеи развивались уже по всей Европе. В Англии в XVII в. протест против женоненавистничества заявили писательницы Афра Бенн, Мэри Астелл и Батсуа Мэйкин.

в западноевропейской цивилизации, писательница приводит аргументы, противоречащие представлениям о женской неполноценности, ратует за то, что женщина имеет равные с мужчиной права на образование, творчество, свободное высказывание своего мнения. «Нельзя отказы-

вать ей в правоте суждения только на том основании, что у тебя есть борода», — пишет она, возражая против отвратительных вещей, написанных и сказанных о женщинах. И добавляет очень точное замечание: «Презрение к работе женщин высказывали те, кто не давал себе

труда хотя бы прочитать их, не зная, о чем они пишут, какие мнения высказывают».

Проскальзывало в позиции Марии де Гурне и что-то глубоко личное. К моменту написания книги ей исполнилось 57 лет, и идеи об интеллектуальном равенстве женщин

«Молодость». Худ. Никола Ланкре. 1735 г.
Национальная галерея, Лондон, Великобритания.

Слева:

Иллюстрация Жана-Мишеля Моро Младшего к комедии Мольера «Смешные жеманницы», в которой драматург, подражая вычурному языку парижских литературных салонов, пародирует романы прециозных писательниц. 1913 г.

Справа:

Иллюстрация Жана-Мишеля Моро Младшего к комедии Мольера «Ученые женщины».

Прообразом псевдоученой героини Белизы в «Ученых женщинах» послужила Мария де Гурне, с которой Мольер встречался в салоне мадам Рамбуйе.

с мужчинами, видимо давно владели душой писательницы. Женщин образованных, занимающихся наукой, философией или литературной

критикой, воспринимали как нечто экзотическое. Образованность прощали лишь некоторым, принадлежащим к высшей аристократии,

и лишь на время. В обществе, где достоинством женщины считалось тонкое шитье, а предназначением – брак, вне рамок семьи и предписанных ролей дочери, жены и матери, она оказывалась в весьма неблагоприятных условиях, теряла уважение, и в глазах «приличного общества» превращалась в маргиналку. Так что, возможно, и правы те исследователи, которые считают, что мадемуазель де Гурне не осмелилась бы осуждать несправедливость женской доли, если бы сама не была старой девой, которой нечего терять.

Интересно, что в середине XVII века доля незамужних женщин во Франции, да, пожалуй, и в Европе

В обществе, где достоинством женщины считалось тонкое шитье, а предназначением – брак, вне рамок семьи и предписанных ролей дочери, жены и матери, она оказывалась в весьма неблагоприятных условиях, теряла уважение, и в глазах «приличного общества» превращалась в маргиналку.

была самой высокой по сравнению как с предыдущим, так и последующим столетием. В Англии даже официально существовал литературный кружок «Клуб синего чулка». К слову, выражение «синий чулок» – *les bas-bleues* – появившееся во времена, современные де Гурне, вначале означало определение умной женщины, оставшейся незамужней, и лишь позже приобрело тот уничижительный смысл, который вкладывается в него сегодня.

Особенно много внимания де Гурне уделяла женскому образованию, наверняка хорошо помня, как сама в детстве шла наперекор матери и общественному мнению. Чтобы получить образование, женщины ее времени вынуждены были прибегать к самым разнообразным уловкам – мало кому повезло найти понимание и реальную поддержку у отцов. Многие девушки приобщались к знаниям, посещая уроки, предназначенные для их братьев.

Портрет Мольера.
Худ. Пьер Миньяр. 1658 г.
Музей Конде, Шантийи, Франция.

И хотя образование их неупорядоченно, благодаря беседам, книгам, занятиям с частными наставниками и публичным лекциям, они достигали серьезных интеллектуальных вершин.

Чтение трагедии Вольтера «Китайский сирота» в салоне мадам Жофрен.
Худ. Шарль Габриэль Лемонье. 1812 г.
Музей Мальмезон, Рюэй-Мальмезон, Франция.

Весьма показательна в этом смысле судьба нидерландской ученой Анны Марии ван Шурман, с которой де Гурне водила дружбу и многие годы состояла в переписке. Анна Мария ван Шурман была первой женщиной, поступившей в 1636 году в Утрехтский университет. Но поскольку тогда женщинам подобная вольность была не позволительна, на занятиях девушка вынуждена была сидеть за специальным занавесом, чтобы ее не видели студенты-мужчины...

СТАРУХА из ПИКАРДИИ

В 1605 году в особняке мадам Рамбуйе начал собираться кружок, ставший вскоре самым знаменитым литературным салоном Парижа. К слову, подобные собрания, мода на которые во Францию пришла из Италии, в подражание флорентийским кружкам гуманистов, салонами стали называть гораздо позже, лишь в XIX веке. В XVII – их называли: *société, cour-littéraire, cercle, assemblée, chambers*.

Весьма показательна судьба нидерландской ученой Анны Марии ван Шурман, с которой де Гурне водила дружбу и многие годы состояла в переписке. Анна Мария ван Шурман была первой женщиной, поступившей в 1636 г. в Утрехтский университет. Но поскольку тогда женщинам подобная вольность была не позволительна, на занятиях девушка вынуждена была сидеть за специальным занавесом, чтобы ее не видели студенты-мужчины...

Портрет юной женщины в образе римской богини Цереры.
Худ. Пьер Миньяр. XVII в.
Галерея аукционного дома Dorotheum,
Вена, Австрия.

В отеле мадам де Рамбуйе в протяжении почти полувека представители высшего света, политические деятели, ученые, литераторы, поэты предавались возвышенным интеллектуальным развлечениям, обсуждали литературные новинки, беседовали о природе любви, о солнечных пятнах, только что открытых астрономами и прочих, обязательно модных, темах.

И не важно, что еще были свежи воспоминания о кровавых днях религиозных войн, и Франция ждала новых смут. В изысканно обставленных гостиных велись «войны сонетов», сочинялись пасторали о прекрасных пастушках и пастушках, придумывались галантные романы о возвышенных чувствах или героические поэмы о благородных рыцарях. Мадмуазель де Скюдери, например, составляла «Карту страны нежности с подробным ее описанием», ослепительно прекрасной, где жили прекрасные люди, царили прекрасные чувства и прекрасные нравы. Где деревушка Любезные услуги находилась на пути Зарождающейся дружбы и Нежной признательности, а к городку Нежное уважение можно было пройти через Стихотворные приятства.

Иногда летом молодежь из отеля перемещалась за город – порой в замок Рамбуйе, где приятно проводила время, разыгрывая комедии, а порой – в поместье мадам де Вижан Ла Барр для того, чтобы представлять пасторали, живые картины или плясать деревенские танцы.

К осени все возвращались в Париж. Здесь, среди венецианских ваз, китайского фарфора, античного мрамора, безделушек и корзинок с цветами, отражавшихся в зеркалах и освещавшихся множеством свечей в хрустальных люстрах, зарождалась изысканная и жеманная пре-

циозная литература, удаленная от низменной действительности – и в выборе сюжетов, поэтических образов, и в языке. Посетители салона именовали себя прециозниками, говорили на специфическом жаргоне, в котором вместо обычных слов преобладали метафоры, иносказания и перифразы. Это был истинный рай для всех, кто наделен изысканными манерами, обладает блестящим умом, широко образован и умеет быть по-настоящему любезным. Правда, в этом раю всего было «слишком». Слишком уж рьяная борьба велась с вульгарностью нравов и обычаев, слишком уж царила невероятная тонкость манер и языка, слишком дамы кичились познаниями в различных неудобоваримых науках, слишком уж много

придумывалось новых искусственных вычурных слов салонными грамматистками.

Это «слишком» довольно зло высмеял в комедиях «Ученые женщины» и «Смешные жеманницы» Мольер. Что, тем не менее, не помешало ему проводить вечера у «несравненной Артенис».

Частыми гостями в знаменитой «Голубой гостиной» мадам Рамбуйе были и Корнель, Вольтер, Жан-Луи Гез де Бальзак, теоретики классицизма Малерб и Буало. Заглядывали Ришелье, Поль де Гонди, будущий кардинал де Рец, и будущий маршал Франции граф де Гиш, принцесса Конде.

Здесь блистала Мари Мадлен графиня де Лафайет, происходившая из весьма знатного рода, известная своим романом «Принцесса Клев-

ская» и близкими отношениями с Ларошфуко. В богатых экипажах прибывали Мари де Рабютен-Шанталь, баронесса де Севинье, Катари́на де Вивон, принцесса Монпансье, Жюли д'Анжани, принцесса де Конде, герцогиня д'Эгйон, приходившаяся племянницей кардиналу Ришелье. Безупречность их репутации соответствовали статусу мужей и родственников, занимавших значительное положение в обществе. Они были первыми среди красавиц и умниц королевства, их обожал свет, с неизменной благосклонностью встречая выходившие из-под их пера

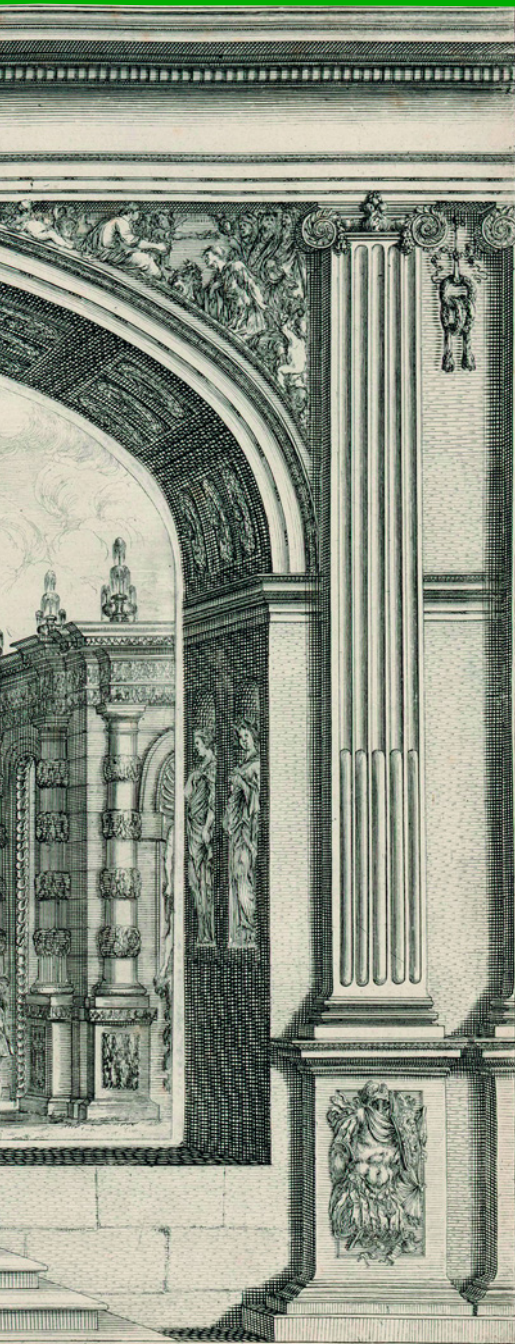
грациозные сонеты о любви – женщинами было прилично писать только то, что им было прилично читать.

В блеске великосветского салона бывавшая здесь плохо одетая, небрежно причесанная, шумная, язвительная и бедная старая дева Мария де Гурне казалась, по меньшей мере, странной. За глаза ее здесь прозвали «старухой из Пикардии», намекая на то, что до приезда в Париж она жила в провинциальной пикардийской деревушке. Когда де Гурне появилась у мадам де Рамбуйе, ей явно перевалило за сорок, но, как часто бывает с немолодыми и не очень

красивыми женщинами, она тщательно скрывала свой возраст. К слову, удавалось это так хорошо, что год рождения писательницы смогли вычислить лишь после ее смерти, да и то по косвенным данным.

В женской половине парижского литературного бомонда не она одна оставалась без мужа, и не ей одной Бог не додал красоты. Сохранилась, например, анонимная эпиграмма на Мадлен де Скюдери: *«Грех потому не властен так над нею, Что столь же безобразен, как она»*. Что же касается Марии де Гурне, на портрете, помещенном в издании

Театр «Пале-Кардиналь», через год получивший свое знаменитое название – «Пале-Рояль». Гравюра Стефано делла Белла. 1641 г. Национальная библиотека, Париж, Франция.

Когда де Гурне появилась у мадам де Рамбуйе, ей явно перевалило за сорок, но, как часто бывает с немолодыми и не очень красивыми женщинами, она тщательно скрывала свой возраст. К слову, удавалось это так хорошо, что год рождения писательницы смогли вычислить лишь после ее смерти, да и то по косвенным данным.

дии», остававшаяся ближе к грубой и жестокой реальности, де Гурне была глубже и содержательнее не только дам из литературных салонов, но и многих современных ей мужчин-литераторов, для которых сочинительство представлялось лишь развлечением. Не случайно же, она получила признание в литературном мире не только у потомков, как нередко бывает, но и у современников, о чем известно из самых разных источников.

А вот о том, что у нее тоже был свой «салон», и даже раньше, чем у мадам де Рамбуйе, знают разве что узкие специалисты – по понятным причинам он не был так знаменит, как отель на улице святого Фомы. Кроме нескольких дам, с почтением относившихся к особенностям ее характера и к ее добродетелям, она принимала у себя только литераторов.

Ее гости не спорили о «проблемах» классификаций любви и галантности, они приходили подискутировать на философские темы, обсудить книги, поговорить о стиле письма. Собрания у мадемуазель де Гурне правильнее было бы назвать литературным кружком, каковыми эти встречи, по сути, и были.

ПИСТОЛЬ ДЛЯ КОТЯТ ЛЕОНОРЫ

За долгие годы жизни Марии де Гурне, а это, без малого восемьдесят

лет, вокруг этой весьма своеобразной женщины сложилось множество легенд. А сама она стала едва ли не самым популярным персонажем анекдотов парижского литературного мира XVII века – посмеяться над странностями пожилой старой девы считалось едва ли не хорошим тоном. Из забавных карикатур, колких пьесок, диалогов, эпиграмм, сатирических стихов и прочих, довольно злых историй о мадемуазель де Гурне можно было бы собрать целую книгу. Отношение к «старухе из Пикардии», которую из-за страсти к старомодным выражениям, называли «смешным произведением искусства древности», конечно, было предвзятым, но нередко она и сама давала повод к насмешкам. *«Я нетерпелива и субъективна в гневе, – писала де Гурне в эссе «Портрет моего нрава», – отчего часто получаю удары».*

Ее экстравагантность, опрометчивость, резкость в суждениях, спешивость, кстати, странная для умницы, каковой она была, жажда к комплиментам, хвастовство, увлечение алхимией, привязанность к своим кошечкам, постоянно совершаемые нелепые поступки то и дело подкидывали восхитительные поводы для мелких пакостей и розыгрышей.

Повеселиться она заставила даже английский королевский двор.

Однажды завсегдатаи литературного салона заставили мадемуазель

1641 года книги *Advis ou Presens*, где она изображена в возрасте тридцати лет, лицо ее хотя и простовато, но довольно приятно.

Дело, скорее всего, не только во внешних данных. Как заметил ее земляк Блез Паскаль, истина часто бывает похожа на самую злую шутку, а мадемуазель де Гурне, ворчунья и брюзга по натуре, частенько бывала так откровенно нелепа, что современников ее грех упрекать за ироническое мнение о ней, как о смешном и претенциозном педанте в юбке.

Впрочем, вопреки насмешкам и анекдотам о «старухе из Пикар-

Старуха. Худ. Жан-Батист Грёз. 1756 г.
Музей Гетти, Лос-Анджелес, США.

Мария де Гурне стала прообразом некрасивой старой девы, мнящей весь свет у своих ног, выведенной в 1640 г. Жаном Демаре в комедии «Les Visionnaires» – «Мечтатели». Пьеса полна намеков и на других посетителей салона мадам Рамбутье.

Chez Pannier Edit. R. du Croissant, 16

Chez Aubert Pl. de la Bourse, 23.

Imp. à Aubert & Co.

Ее экстравагантность, опрометчивость, резкость в суждениях, спесивость, кстати, странная для умницы, каковой она была, жажда к комплиментам, хвастовство, увлечение алхимией, привязанность к своим кошечкам, постоянно совершаемые нелепые поступки то и дело подкидывали восхитительные поводы для мелких пакостей и розыгрышей.

де Гурне поверить, что английский король Иаков I, собирающий жизнеописания знаменитых современников, очень расстроился, когда узнал, что нигде не может найти ее полную биографию. Бедолага, приняв это за чистую монету, полтора

месяца, не отрываясь, описывала собственную жизнь. Потом еще столько же правила текст, и специально озаглавив его на английский манер: «Представление о жизни мисс де Гурне», отослала автобиографию в Лондон, где посылка из Парижа

Академия женщин. Из серии карикатур «Bas Les bleus» – «Синие чулки». Худ. Оноре Домье. 1843 г. Музей искусств, Лос-Анджелес, США.

вызвала сначала сильное недоумение – о подобном «королевском заказе» никто ни сном, ни духом не ведал, а затем – гомерический смех. Мария де Гурне была взбешена и потребовала свою рукопись назад. Но она исчезла...

Другой анекдот, ходивший у завсегдатаев аристократического салона де Рамбуйе, был опубликован в сборнике «Historiettes» – биографических портретов, анекдотов, забавных и скандальных историй и сценок из жизни высшей французской знати, вышедший в Париже в 1659 году. В русском переводе эта книга известна под названием «Занимательные истории».

Галантная сцена в салоне.
Худ. Август Штефан Седлачек XIX в.
Галерея аукционного дома Christie's.

В главке «Ракан и другие чудаки» французский писатель-мемуарист Жедеон Таллеман де Рео описывает «злую шутку, которую решили сыграть над бедной девственницей» некие шевалье де Бюэй и Ивранд. Узнав, что Ракан (салонный поэт, прославившийся изысканными галантными пасторальями) собрался посетить мадемуазель де Гурне и поблагодарить за переданную ему в подарок книгу, де Бюэй и Ивранд по очереди заявили к писательнице и представились Раканом. Лично не знавшая поэта хозяйка первого гостя приняла доброжелательно, а на второго обиделась, попеняв, что тот насмехается над старухой.

— Я? Мадемуазель, могу ли я смеяться над названной дочерью великого Монтеня! — воскликнул Ивранд.

Мадемуазель де Гурне, хотя и обиделась в душе, решила сделать вид, что розыгрыш ее позабыл. Но тут появился настоящий Ракан.

На этот раз хозяйка разгневалась не на шутку: «Не знаю, кто вы такой, но вы самый глупый из всех трех. Черт возьми! Я не позволю над собою издеваться!».

«В тот же день Мария де Гурне узнает правду», — рассказывает далее Рео, — и на следующее утро, спозаранку, нанимает карету и едет к Ракану. Поэт еще в постели и спит; она отдергивает полог. Увидев ее, Ракан спасается в чулан, и только после долгих переговоров его удается выманить оттуда. С той поры они стали наилучшими друзьями».

История на этом не закончилась. Драматург и поэт Франсуа Буаробер великолепно разыграл ее в пьесе, которая еще долгое время потешала парижан и портила кровь старой деве.

Франсуа Ле Метель де Буаробер, хотя и относится к ней снисходительно, в удовольствии пошутить за глаза над «старухой из Пикардии»

себе не отказывал. Так, например, он любил рассказывать историю о том, как ему удалось выхлопотать у кардинала Ришелье средства на

содержание котят, которые могут появиться, если окотится кошка мадемуазель де Гурне. «И кардинал добавил еще пистоль для котят», —

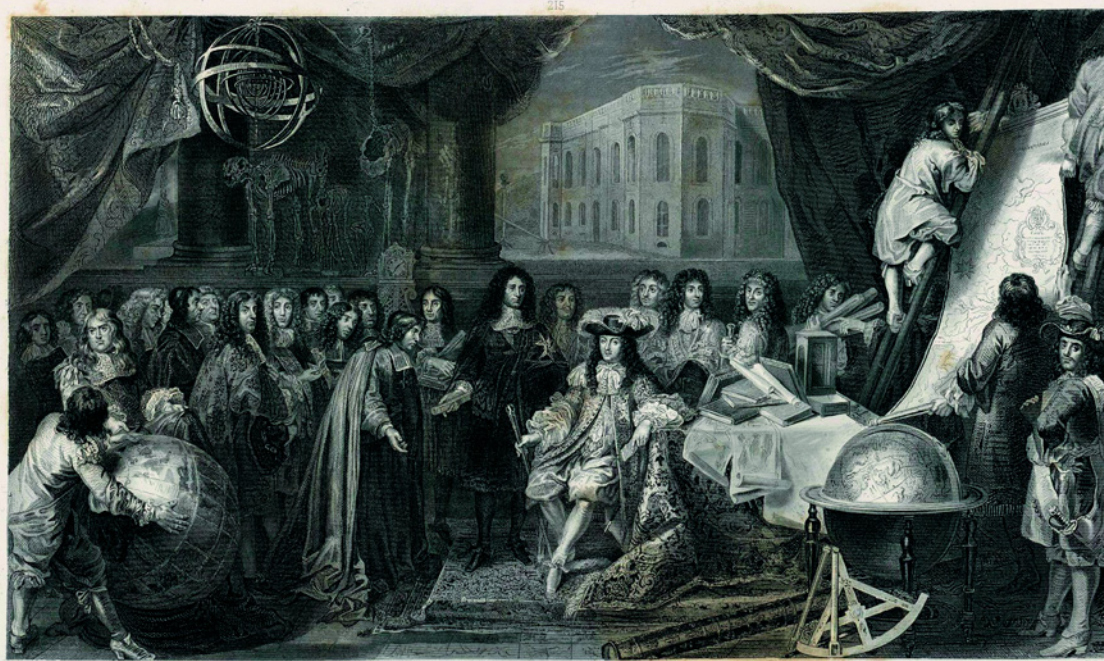
такими словами Буаробер неизменно заканчивал свой анекдот.

Любовь старой девы к кошечкам вообще была едва ли не самой

популярной темой для шуток. И опять же по ее собственной вине. Мало того, что одну из своих питомиц мадемуазель де Гурне

назвала в честь... дочери Монтеня Леонорой (о причуды старых дев!), так еще и стихи ей посвящала.

*Fondation de l'Observatoire (1667)
Colbert présente aux membres de l'Académie des Sciences*

Жан-Батист Кольбер представляет членов Французской Академии королю Франции Луи XIV.
Худ. Анри Тестелен. 1667 г.
Дворец Версаль, Франция.

Любовь старой девы к кошечкам вообще была едва ли не самой популярной темой для шуток. И опять же по ее собственной вине. Мало того, что одну из своих питомиц мадемуазель де Гурне назвала в честь... дочери Монтеня Леонорой (о причуды старых дев!), так еще и стихи ей посвящала.

Еще одним поводом для атак парижских остряков была верность Монтеню, которую современники Марии де Гурне считали не только долгом названной дочери великого философа (а, может, они и правы?). Видимо разговоры об эротическом влечении пикардийки к старшему бордосскому другу были не так редки, раз уж ей приходилось отбиваться и доказывать, что ее девичье увлечение Монтенем было невинно, и она испытывала к нему только почтительные дружеские чувства. *«Я ценила его книги прежде, чем мы познакомились. И нет смысла искать любовь там, где дружба»*, — оправдывалась Мария де Гурне в эссе «Горе дамы».

Массивная телом, с размашистой походкой, к тому же к старости на подбородке у нее начали расти волосы, синий чулок, феминистка, человек искренний и бесхитростный, она всегда была легкой добычей для насмешников. На выходки их немолодая одинокая женщина, не защищенная ни замужеством, ни красотой, а красивым женщинам многое прощается, по свидетельству современников, реагировала довольно болезненно и бурно.

Обид, однако, она долго не держала, оставаясь общительной и непосредственной. Не случайно большинство знавших де Гурне лично, говорят о ее великодушии, доброте и умении быть верным и преданным другом.

О СПРАВЕДЛИВОСТИ ИСТОРИИ

13 июля 1645 года, в возрасте 79 лет, Мария ле Жар де Гурне умерла. Ее отпели в новой церкви Сен-Эташ (Святого Евстафия). Церковь эту, располагавшуюся возле городского рынка, с легкой руки Золя получившего название «чрева Парижа», закончили строить лишь восемью годами ранее, но она быстро стала знаменита большим, великолепным органом, насчитывавшем 8000 труб. Позже здесь будут отпеты и другие литературные знаменитости — поэт Венсан Вуатюр, с которым писательница часто встречалась в салоне маркизы де Рамбуйе, Лафонтен, Кольбер, Мольер.

Французская академия. Офорт Габриеля Перелля. 1680 г.
Библиотека Йельского университета, Нью-Хейвен, США.

Внизу:
Деревянная скульптурная композиция над дверью библиотеки Мазарини, Французская академия, Париж, Франция.

Здесь же, на церковном кладбище Сен-Эташ ученицу Монтеня и похоронили. По оглашенному после похорон завещанию, единственное ее богатство – огромная библиотека, которую в свое время Мария де Гурне унаследовала от Мишеля Монтеня, перешла к Франсуа Ламоту ле Вайе, с которым в последние годы жизни ее связывала верная дружба.

Поразительный факт дружбы католички де Гурне и протестанта Ламота ле Вайе – еще одно свидетельство независимости ее характера: она всегда водила дружбу с тем, с кем хотела, менее всего интересуясь условностями вообще, и различием в вероисповедании, в частности. Впрочем, более достойного наслед-

Франсуа де Ла Мот Ле Вайе,
французский писатель и философ,
друг и наследник Марии де Гурне.

льянский государственный деятель, кардинал Гвидо Бентивольо, католический святой Франциск Сальский, епископ Пуатье Анри-Луи Шастенье, члены первого созыва Французской академии Антуан Годо и Гез де Бальзак, нидерландский гуманист Юст Липсий (это его имя – Justus Lipsius building – носит здание в Брюсселе, в котором заседает сегодня Совет Европейского союза).

Мария де Гурне была старой девой со странностями, не получила формального образования, не имела ни высокого ранга, ни достаточных к жизни средств, никогда не знала любви, кроме восторга к давно умершим кумирам Виргилию, Монтеню и Ронсару, однако сумела стать одной из самых образованных женщин, причем, не только своего времени.

Мария де Гурне входит в первую сотню самых известных европейских женщин всех времен, и многожды удостоивалась самых лестных отзывов потомков. Лауреат Пулитцеровской премии Уильям Роуз Беннетт, например, в своей *The Reader's Encyclopedia* – Энциклопедии читателя 1948 года – называет Марию ле Жар де Гурне «десятой музой», удостоивая ее высшего комплимента пишущим женщинам с тех пор, как Платон назвал так Сафо.

Ученица Монтеня оказалась достойна своего кумира, и значимость подобных женских фигур в истории куда выше, чем кажется на первый взгляд. Мария де Гурне не просто доказала свои способности в избранной профессии, она, и такие, как она, пролагали путь в науку, литературу, политику женщинам следующих столетий.

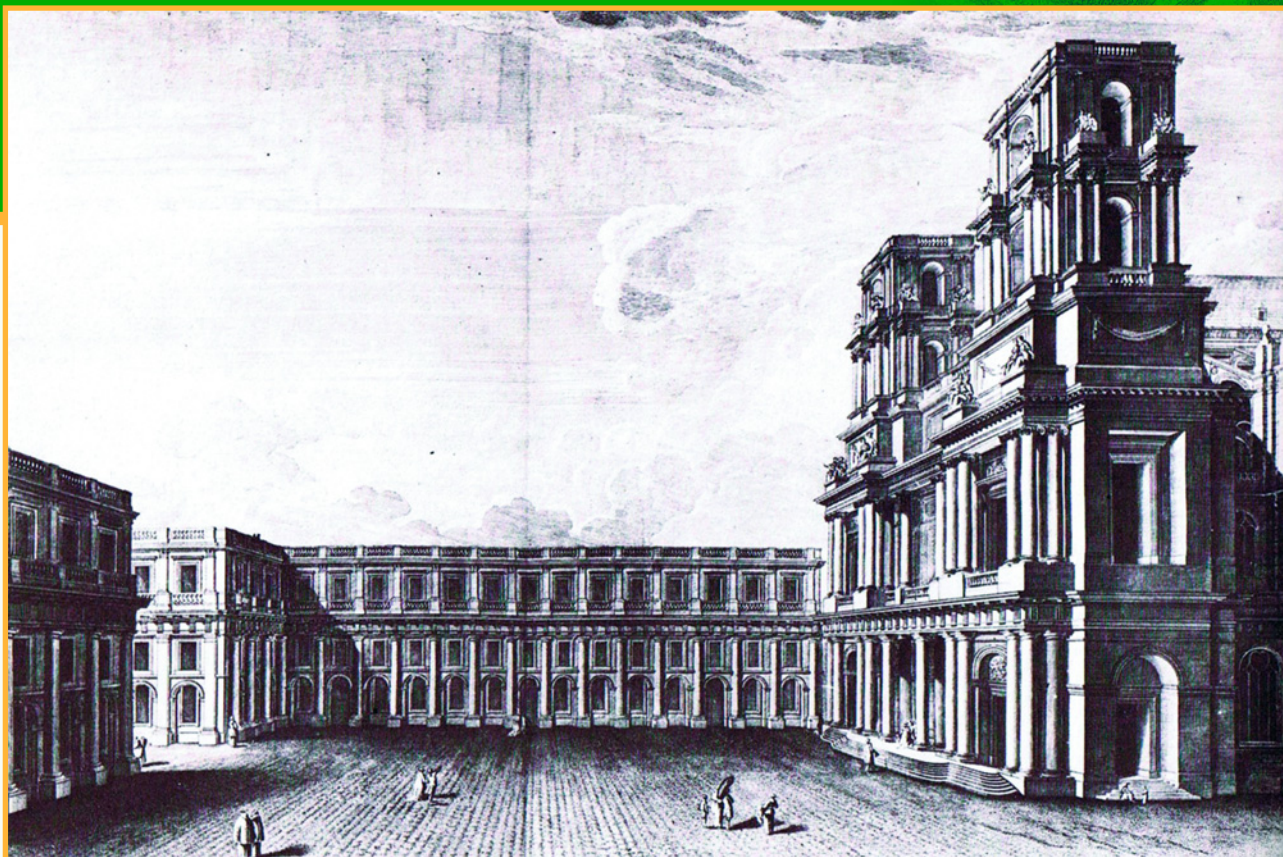
Несмотря на то, что уже при жизни произведения писательницы пользовались большим успехом, в последующее столетие, выдвинувшее другие женские имена, ее творче-

ника ученица и издательница Монтеня не могла бы найти. Франсуа Ламот ле Вайе, писатель, философ-скептик, член Французской академии, воспитатель молодого Людовика XIV, был поклонником не только философии гениального гасконского мудреца, но и открытого им жанра. Возможность свободно, избегая педантичной систематичности, обсуждать все на свете, воспроизводя почти неощутимые повороты мысли, взбудоражила тогда многих

литераторов, соблазнив их работой в стиле «Опытов». Не стал исключением и Ламот ле Вайе.

Он же стал наследником и огромного личного архива самой Марии де Гурне, большую и совершенно замечательную часть которого составляла переписка с кардиналами, епископами, принцами, министрами, поэтами, судьями, учеными, профессорами университетов. Ее корреспондентами были принц Луи де Валуа, кардинал Ришелье, ита-

Парижская церковь Сент-Эсташ, где была отпета и похоронена на церковном кладбище названная дочь Монтеня Мария де Гурне. Гравюра XVII в. Музей Карнавале, Париж, Франция.

ство несколько призабылось. Но ненадолго. Возникшая с начала XIX века новая волна интереса к этой незаурядной женщине, обладавшей обширными философскими, лингвистическими, эстетическими воззрениями, в последующие две сотни лет всегда была неизменно высока. Во Франции, Англии, Италии, США о Марии де Гурне написано множество книг, очерков, статей, ученых

монографий. Ее эссе, стихи, трактаты переводятся с французского на другие языки, издаются большими тиражами, изучаются в университетских курсах по новой европейской философии. К ее имени всегда обращаются, когда вспоминают о лучших умах Франции XVII века или говорят о тех, кто оказал значительное влияние на французскую литературу.

Мария де Гурне входит в первую сотню самых известных европейских женщин всех времен, и многожды удостоивалась самых лестных отзывов потомков. Лауреат Пулитцеровской премии Уильям Роуз Беннетт, например, в своей *The Reader's Encyclopedia* – Энциклопедии читателя 1948 года – называет Марию де Жар де Гурне «десятой музой», удостоивая ее высшего комплимента пишущим женщинам с тех пор, как Платон назвал так Сафо.